

Исследование смыслообразующих функций «символического образа чая» в произведениях русской литературы

Хуншэн Ши

Институт иностранных языков Аньхойского университета,
Хэфэй, Китайская Народная Республика
E-mail: 1766285604@qq.com

Аннотация. Китайский чай, поступив в Россию по «Чайному пути», постепенно сублимировался из материального товара в литературный символический образ, обладающий российской национальной спецификой. В данной статье на основе комплексного использования различных методов анализа документальных источников, исторического анализа, текстуального анализа и сравнительного исследования, а также теоретических подходов семиотики, рецептивной эстетики, имагогенеза, теории культурного архетипа и концепции «объективного коррелята» Т.С. Элиота систематически рассматриваются процесс формирования «символического образа чая» в России и его смыслообразующие функции в произведениях русской литературы. Путем анализа таможенных тарифов 1724 и 1766 гг., уставных документов и сатирической периодики XVIII в. установлено, что к середине XVIII в. чай утвердился в России в качестве основного напитка, а в литературе (в частности, в «Трутне» Н.И. Новикова) начал проявляться зачаток его метафоры психологического исцеления. В XIX–XX вв. смыслообразующие функции совокупности «символического образа чая» были всесторонне раскрыты в творчестве А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и В.Г. Распутина. Данный символический образ выполняет шесть смыслообразующих функций: прояснение позиции (политическая метафора у А.С. Пушкина и противопоставление ценностей у А.П. Чехова), построение сюжета (регуляция повествовательного ритма в «Евгении Онегине»), создание ситуации (микроутопия в «Станционном смотрителе» и ее ирония), углубление идеи (социальная критика в «Мужиках», национальная идентичность и культурная память в «Прощании с Матёрой»), характеристика персонажей (двойственность Раскольникова, очищение души Липы в «В овраге»), обозначение времени и места действия (временные маркеры в «Дузэли», ироническая отсрочка в рассказе «На гвозде»). Эти функции демонстрируют ценность гибкого эстетического знака, обладающего высокой адаптивностью, и раскрывают закономерность локализационной реконструкции инокультурного образа: от материального восприятия через поведенческое освоение к психологической символизации. Исследование вносит вклад в понимание механизмов межкультурной рецепции и имеет практическую значимость для стратегий распространения национальной культуры за рубежом.

Ключевые слова: «символический образ чая», русская литература, смыслообразующая функция, локализационная реконструкция, чаепитие, самовар, межкультурное распространение

Для цитирования: Ши, Хуншэн, 2026. Исследование смыслообразующих функций «символического образа чая» в произведениях русской литературы, *Уфимский гуманитарный журнал*, т. 3, № 2, с. 199–213. <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.18>

A study of the meaning-conveying functions of the “symbolic image of tea” in works of Russian literature

Hongsheng Shi

Institute of Foreign Languages, Anhui University,
Hefei, China
E-mail: 1766285604@qq.com

Abstract. After Chinese tea was introduced into Russia along the “Tea Road”, it gradually evolved from a material commodity into a symbolic image in literature imbued with Russian national characteristics. This article, based on the integrated use of various methods – analysis of documentary sources, historical analysis, textual analysis, and comparative analysis as well as theoretical approaches such as semiotics, reception aesthetics, imagology, the theory of cultural archetypes, and T.S. Eliot’s conception of the “objective correlative”, systematically examines the formation of the “symbolic image of tea” in Russia and its meaning-conveying in works of Russian literature. Through an analysis of customs duties of 1724 and 1766, regulatory documents, and satirical periodicals of the 18th century, it is established that by the mid-18th century tea had become a staple beverage in Russia, and that literature (specifically, in N.I. Novikov’s “The Drone”) saw the emergence of a rudimentary metaphor for psychological healing. In the 19th–20th centuries, the signifying functions of the “symbolic image of tea” aggregate were fully revealed in the works of A.S. Pushkin, M.Yu. Lermontov, F.M. Dostoevsky, A.P. Chekhov, and V.G. Rasputin. This imagery performs six signifying functions: articulating authorial stance (political metaphor in A.S. Pushkin and opposition of values in A.P. Chekhov), structuring the plots (regulation of narrative rhythm in Eugene Onegin), rendering situations (micro-utopia in “The Stationmaster” and its irony), deepening themes (social criticism in “Peasants”, national identity and cultural memory in “Farewell to Matyora”), characterizing figures (Raskolnikov’s duality, the purification of Lipa’s soul in “In the ravine”), and indicating time and place (time markers in “The Duel”, ironic delay in the story “On the nail”). These functions demonstrate the value of a highly flexible aesthetic symbol with great adaptability and reveal the pattern of localized reconstruction of a foreign cultural imagery: from material perception through behavioral appropriation to psychological symbolization. The study contributes to the understanding of mechanisms of cross-cultural reception and has practical significance for strategies of disseminating national culture abroad.

Keywords: “symbolic image of tea”, Russian literature, meaning-conveying function, localized reconstruction, tea drinking, samovar, cross-cultural dissemination

For citation: Shi, Hongsheng, 2026, A study of the meaning-conveying functions of the “symbolic image of tea” in works of Russian literature, *Ufa Humanitarian Journal*, vol. 3, no. 2, pp. 199–213. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/sifk/2026.3.2.18>

Введение

В данной статье на основе комплексного использования различных методов исследования и теоретических подходов ставится цель систематически рассмотреть процесс генезиса и эволюции «символического образа чая» в России, а также его смыслообразующую функцию в произведениях русской литературы.

Методы исследования. Путем анализа исторических документов России XVIII–XIX вв. (таких как таможенные документы, устав военного училища, сатирический еженедельник и др.), а также исторических материалов по чайной торговле между Китаем и Россией, реконструируется исторический процесс проникновения чая в российское общество и его постепенного распространения. Методом исторического анализа на основе сравнения импортно-экспортных таможенных пошлин на чай, кофе и хмель в разные периоды (1724 и 1766 гг.) анализируются движущие факторы эволюции чая в России: от драгоценного товара до повседневного напитка и далее до культурного символического образа. Методом текстуального анализа известных произведений русских классиков (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, В.Г. Распутина и др.) рассматривается и интерпретируется конкретная реализация смыслообразующей функции «символического образа чая». Проводится горизонтальное и вертикальное сравнение использования «символического образа чая» в разных произведениях одного писателя или у разных писателей с целью выявления различий и эволюции его смыслообразующей функции. В качестве общей теоретической рамки в данной статье применяется теория литературного символического образа. Дополнительно привлекаются такие подходы, как семиотика, рецептивная эстетика, имагогенез, теория культурного архетипа и теория «объективного коррелята» Т.С. Элиота. Эти подходы служат теоретической опорой для анализа трансформации «символического образа чая» от материального свойства к эстетическому знаку. Комплексное применение вышеуказанных методов исследования и теоретических подходов обеспечивает эмпирическую основу, историческую глубину и теоретическую высоту проведенного исследования.

Первое упоминание о чае в российских источниках датируется 1638 г. Как сообщается: «В России, в первый раз, явился чай при Царе Михаиле Федоровиче, в 1638 году, когда посол Василий

Старков, возвращаясь от Алтынского хана, привез Царю в подарок 200 пачек Китайского чая. В это время с Китаем мы не имели еще никаких сношений и в торговле чаю не знали; привезенный же от хана начали употреблять в Москве только при дворе и нашли его приятным и целебным» [Ржанов, 1856: 9–10]. С этого момента началась история чаепития в России. Слово «чай» употреблялось на первых порах в большей степени как название лекарственного растения. Заимствовано, по мнению китайских исследователей, непосредственно из китайского языка (во второй половине XVII в. уже установились прочные связи Московского государства с Китайской империей) [Лю Гохуа, 2012: 55]. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера указывается на заимствование слова через турецкий, крымскотатарский, татарский, киргизский, алтайский, уйгурский, монгольский из северо-китайского *chā* [Фасмер, 1987: 311]. В 1689 и 1727 гг. правительства Китая и России подписали соответственно Нерчинский и Кяхтинский договоры, благодаря чему сформировался международный торговый путь с китайским чаем в качестве основного товара – «Чайный путь», который стал другим важным маршрутом, соединившим Евразию после «Великого шелкового пути».

По мере расширения китайско-российской чайной торговли китайский чай и чайная культура через этот древний торговый путь оказали глубокое влияние на различные аспекты российского общества, экономики и повседневной жизни. *«А китайский чай в конечном итоге стал ключом к освоению Сибири. Чайный путь, подобно реке, несущей элементы цивилизации, непрерывно вливался в этот бескрайний и первозданный край, орошая его водами материальной культуры, просвещая и цивилизуя его»* [Дэн Цзюган, 2000: 16]. В России, по мере того как чай постепенно распространялся из высшего общества к простому населению, его функции также эволюционировали от лекарства, подарка, напитка до культурного носителя и культурного символического образа. Потребительская ценность чая была широко признана, благодаря чему он не только приобрел богатое культурное содержание, но и стал нести глубокий эстетический смысл.

Символический образ (image) – это эстетический знак в литературном произведении, который через конкретный предмет несет в себе абстрактные эмоции, идеи или ценностные суждения. Когда определенный предмет многократно появляется в конкретном культурном контексте и постепенно приобретает относительно устойчивое символическое значение, он возвышается до культурного символического образа. Культурный символический образ не только отражает жизненные обычаи народа, но и воплощает его историческую память, ценностные ориентации и эстетические идеалы. О символических образах Се Тяньчжэнь точно заметил: *«Они постоянно появляются в языке людей, в художественных произведениях из поколения в поколение (включая устные произведения народных умельцев и письменные произведения литераторов), постепенно формируясь в культурные символы, обладающие относительно устойчивыми и уникальными культурными значениями, а некоторые из них несут в себе богатые и глубокие ассоциации»* [Се Тяньчжэнь, 1999: 180].

Так называемый «символический образ чая» – это конкретизированный эстетический знак, сформированный на основе «чая» как прототипа-носителя и переосмысленный через субъективные чувства и культурное познание автора. В русской литературе «чай» (включая само действие «чаепития»), а также такие предметы, как «самовар», «чайник», наделены богатым идейным содержанием и символическим значением, образуя совокупность «символических образов чая», которые в разных произведениях выполняют уникальные смыслообразующие функции. Таким образом, возникновение и эволюция «символического образа чая» в русской литературе являются не только результатом распространения китайской чайной культуры за рубежом, но и процессом выбора, трансформации и творческого переосмысления инокультурного элемента российской национальной культурной психологией.

Образ чая в российской культуре привлекал внимание исследователей с разных точек зрения. И.А. Соколов утверждал, что во второй половине XIX в. чай как важный элемент довольствия выдавали российским солдатам в сложных условиях (например, в Сибири) и в дозорах во время боевых действий [Соколов, 2009: 32]. В.И. Фадеева считала, что в произведениях русских классиков чай эволюционирует от воплощения целостности до мрачного символа утраты единства, отражая перелом в русском сознании [Фадеева, 2025: 82]. А.А. Самофатова выясняла, что чаепитие в русском обществе – это не только показатель богатства и высокого статуса, но и гостеприимства, благополучия, спокойствия, стабильности [Самофатова, 2021: 143]. Е.В. Маломанова и В.Н. Алексеенко считали, что чай является значимой частью культурного наследия России [Маломанова, Алексеенко, 2025: 512]. М.С. Симакова исследовала поэтические свойства и функции чая в их соотношении с обрядово-игровой стороной народной жизни [Симакова, 2006: 5]. В.Г. Мехтиев исследовал семиотику чая в русской литературе первой половины XIX в. [Мехтиев, 2025: 129]. А.А. Комлова и А.О. Петрова изучали семиотику и культурную роль темы чаепития

в русской классической литературе XIX в. [Комлова, Петрова, 2025: 29]. И.В. Бурдин считал, что чай как мотив русской литературы XIX в. сформировал художественный концепт «чай» [Бурдин, 2023: 75–76]. Цзоу Сюэцян с позиций лингвокультурологии, сопоставляя китайскую и русскую чайные культуры, показал, как языковые различия в контексте чайной культуры применяются в обучении русскому языку [Цзоу Сюэцян, 2010: 189–191]. Т.К. Кулабухова, С.Е. Осиневич и Л.Г. Климова считали, что чайные традиции русского искусства раскрывают эстетические представления людей о красоте окружающего мира и их вкусы [Кулабухова, Осиневич, Климова, 2021: 167]. В.М. Семенов в своей энциклопедии дал всестороннее описание чая и замечал, что общение за чаепитием сближает людей [Семенов, 2006: 301]. С.И. Маджаева и П.В. Рудакова доказывали, что чай – собирательное явление, объединяющее знания из кулинарии, медицины, истории, мифологии, эстетики, философии и культуры [Маджаева, Рудакова, 2021: 14].

До сих пор не проводилось систематического рассмотрения процесса генезиса «символического образа чая» в России и использования его смыслообразующих функций в произведениях русской литературы.

Рассмотрим смыслообразующие функции «символического образа чая» в произведениях русской литературы с двух сторон: с точки зрения исторического возникновения и литературного использования.

Процесс локализации инокультурных предметов зачастую сопровождается репродукцией знаковых значений. Превращение чая в России из предмета роскоши в повседневный напиток – это не только распространение материального потребления, но и перестройка смысловой системы, что заложило культурно-психологическую основу для вхождения «символического образа чая» в литературную сферу.

Генезис «символического образа чая» в России в XVIII в.

Проникновение чая, производимого в Китае, на российский рынок в крупных масштабах стало возможным прежде всего благодаря специальной тарифной политике, установленной российским правительством на импортные и экспортные пошлины на чай. В документе «Тариф Санкт-Петербургского, Выборгского, Нарвского, Архангелогородского, Кольского, портов», подписанном Петром I в 1724 г., зафиксированы следующие размеры импортных пошлин на три вида товаров (табл. 1):

Таблица 1. Импортные пошлины 1724 г.

Table 1. Import duties of 1724

Товар	Размер пошлины
Чай (1 фунт)	10 копеек [Тариф..., 1724: 34]
Хмель (1 пуд)	20 копеек [Там же: 33]
Кофе (1 пуд)	1 рубль [Там же: 22]

Сравнение показывает, что пошлина на чай была самой высокой, и чай относился к ценным импортным товарам России.

В этом же документе были зафиксированы также экспортные пошлины (табл. 2):

Таблица 2. Экспортные пошлины 1724 г.

Table 2. Export duties of 1724

Товар	Размер пошлины
Чай (1 фунт)	3 копейки [Там же: 45]
Хмель (1 пуд)	10 копеек [Там же: 44]
Кофе	беспошлинно [Там же: 38]

Сравнивая экспортную тарифную политику в отношении этих трех товаров, можно сделать следующие выводы: 1) чай был дефицитным товаром в России того времени и пользовался большим спросом, чем кофе; 2) на момент введения тарифной политики 1724 г. чай оставался

дорогим товаром, а его полезные свойства еще не получили широкого признания среди российского населения.

С течением времени признание чая в России постепенно росло, а вместе с ним увеличивалось и потребление. Коллежский советник и профессор Г.Ф. Миллер по поручению Екатерины II составил в 1764 г. доклад о посольстве в Китай. В нем говорилось: «*Чай есть необходимая вещь в китайском торгу, потому что мы к нему привыкли и от него отстать трудно*» [Бантыш-Каменский, 1882: 404]. Согласно статистическим данным, с 1762 по 1785 г. среднегодовой объем ввоза чая в Россию через Кяхту составлял около 30 тыс. пудов, что равнялось примерно 15 % общей стоимости китайских экспортных товаров [Силин, 1947: 146].

В период правления Екатерины II объем внешней торговли России неуклонно возрастал, соответственно увеличивались и таможенные доходы [Чечулин, 1906: 217–218].

В документе «Тариф о сборе пошлин в портовых и пограничных таможах, с привозных и отвозных товаров», подписанном Екатериной II в 1766 г., были приведены импортные (табл. 3) и экспортные (табл. 4) пошлины на следующие три вида товаров:

Таблица 3. Импортные пошлины 1766 г.

Table 3. Import duties of 1766

<i>Товар</i>	<i>Размер пошлины</i>
Чай (1 фунт)	52 ½ копейки [Тариф..., 1766: 76]
Хмель (1 пуд)	78 ½ копейки [Там же: 76]
Кофе (1 пуд)	2 рубля 34 ½ копейки [Там же: 33]

Таблица 4. Экспортные пошлины 1766 г.

Table 4. Export duties of 1766

<i>Товар</i>	<i>Размер пошлины</i>
Чай	запрещен к вывозу [Там же: 76]
Хмель (1 пуд)	19 ¼ копейки [Там же: 76]
Кофе	запрещен к вывозу [Там же: 33]

На основе анализа политики импортных и экспортных пошлин на чай, кофе и хмель в России в 1724 и 1766 гг. можно сделать вывод, что в 60-е гг. XVIII в. чай уже стал основным напитком в России, его популярность превысила популярность кофе и пива, эти факторы доказали глубокое и широкое проникновение чая в повседневную жизнь российского народа.

11 сентября 1766 г. в России был опубликован сборник документов под названием «Устав Императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса, учрежденного в Санкт-Петербурге для воспитания и обучения благородного российского юношества», в котором в качестве приложения приводились правила воспитания детей в различных аспектах. В этих правилах, касающихся требований к мытью в русской бане, упоминался чай: «*Не надобно пить вина виноградного, ни водок или спиртов крепких; а можно от жажды умеренно употреблять такое питье, которого бы теплота равна была с теплотой воздуха банного, например, полливо, квас или чай*» [Бецкой, 1766: 233]. Отсюда следует, что признание чая со стороны российского правительства и дворянства способствовало дальнейшему распространению чая в России, что, в свою очередь, благодаря его широкой популярности привело к постепенному возникновению культурных коннотаций в образе чая.

«Трутень» – первый в России сатирический еженедельник. В его 31-м номере от 24 ноября 1769 г. приводился рецепт лечения пристрастия к спорам с помощью холодного чая. «*Для утоления же охоты к спорам, давать ему в холодном чаю по 30 горьких капель в день. Капли сии именуются истинное о вещах понятие. Сие нечувствительно охоту к спорам уменьшит, и больной выздоровеет*» [Новиков, 1769: 242–243]. Данный отрывок носит сатирический характер, намекая на то, что холодный чай способен исцелять душевнобольных, страдающих раздражительностью и склонностью к препирательствам. Таким образом, чай, несущий в себе лучшие идеи китайской культуры, оказывал на людей в России целительное действие от психических недугов и

способствовал очищению души. Здесь автор наделил чай метафорической функцией, и это является зачатком постепенного превращения чая в культурный образ в России.

С точки зрения имагогенеза «символический образ чая» в этот период находился еще на стадии зарождения, а его смыслообразующая функция проявлялась главным образом в метафорическом психологическом исцелении. Метафора является самым исходным способом функционирования символического образа – уподобление абстрактного «правильного понимания» материальному, «принимаемому как чайные капли», совершает семиотический скачок от материальных свойств к духовным, закладывая основу для богатого символического использования в последующей литературе.

Ниже будут проведены сравнительный анализ и текстуальное чтение «символического образа чая» в репрезентативных произведениях разных периодов.

Использование «символического образа чая» в русской литературе

По мере того как потребительская ценность чая получала широкое признание в России, его социальное значение и эстетическое содержание также становились все более очевидными. С точки зрения смыслообразующей функции литературы символический образ не является простым воспроизведением объективной реальности, а представляет собой результат отбора, трансформации и комбинирования, осуществляемых писателем, благодаря чему предметный образ обретает символическое значение, выходящее за пределы самого себя. Таким образом, «символический образ чая» постепенно интегрировался в российскую культурную сферу, получил широкое применение в литературных произведениях и в настоящее время стал эстетическим символическим образом, обладающим российской национальной идентичностью.

Отбор произведений для анализа в данной статье подчиняется следующим принципам: хронологическая репрезентативность (XIX–XX вв.), жанровое разнообразие (поэзия, проза, драма), принадлежность авторов к классическому канону и, главное, наличие в произведениях ярко выраженной смыслообразующей функции символического образа чая. Из широкого круга произведений, где упоминается чай, отобраны те, в которых этот образ выполняет одну или несколько из шести функций, выделяемых в настоящем исследовании. Такой подход позволяет целенаправленно рассмотреть творчество А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и В.Г. Распутина как наиболее показательное для демонстрации эволюции и многообразия смыслообразующей функции символического образа чая в русской литературе.

С развитием русской литературы смыслообразующая функция «символического образа чая» стала широко использоваться русскими писателями в таких аспектах, как прояснение позиции, построение сюжета, создание ситуации, углубление идеи, характеристика персонажей, обозначение времени и места действия. Ниже с помощью метода текстуального анализа проводится интерпретация «символического образа чая» в конкретных произведениях.

Прояснение позиции: политическая метафора и противопоставление ценностей. В 1829 г. А.С. Пушкин в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?..» писал:

*Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня;*

...

*Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!*

Как дева русская свежа в пыли снегов! [Пушкин, 1946: 68–69]

2 ноября 1829 г. на пути из Москвы в Санкт-Петербург А.С. Пушкин остановился в усадьбе Вульфа в Тверской губернии и написал это стихотворение. В это время до его женитьбы оставалось два года. Из-за заключенных в своих произведениях идей справедливости А.С. Пушкин вызвал недовольство царского правительства и был отправлен в своеобразную ссылку. В этом стихотворении А.С. Пушкин, выражая стремление к пламенной любви, метафорически обосновывал поддержку политических идеалов декабристов. Символический образ «утреннего чая» в стихотворении через конкретно-чувственное восприятие горячего чая в зимний день метафорически раскрывает каталитическую роль гуманистических идеалов в социальных преобразованиях. Этот символический образ воодушевляет человека и пробуждает в нем деятельную энергию,

символизируя, что именно идеи декабристов, проникнутые гуманистическим духом, являются тем «светлым» и «прогрессивным» идеалом, который призван изменить темное крепостническое общество.

Использование А.С. Пушкиным символического образа «утреннего чая» воплощает творческий принцип «объективного коррелята», предложенный Элиотом. «Объективный коррелят» требует превращения абстрактных эмоций в совокупность конкретных предметных образов, чтобы читатель, воспринимая эти образы, непосредственно получал эмоциональное переживание. В этой перспективе «утренний чай» – это уже не просто напиток, а преобразование политического идеала в осязаемую сцену повседневной жизни: чашка горячего чая зимним утром является одновременно и катализатором телесного пробуждения, и метафорой духовного пробуждения.

«Символический образ чая» в творчестве А.П. Чехова также имеет значение «праздности» и «неспешности» и находится в оппозиции к «деятельности» и «созидательности». Чехов в пьесе «Вишневый сад», опубликованной в 1903 г., писал: *«Лопухин. До сих пор в деревне были только господа и мужики, а теперь появились еще дачники. Все города, даже самые небольшие, окружены теперь дачами. И можно сказать, дачник лет через двадцать размножится до необычайности. Теперь он только чай пьет на балконе, но ведь может случиться, что на своей одной десяatine он займется хозяйством, и тогда ваш вишневый сад станет счастливым, богатым, роскошным...»* [Чехов, 1944: 405]

В этой пьесе А.П. Чехов сопоставляет «чаепитие» с будущим «хозяйствованием» и устами «нового человека» Лопухина образно разъясняет: «усердное освоение», «практическая деятельность» – это новые идеи, олицетворяющие направление общественного развития России в начале XX в. Таким образом, мы можем видеть, что дворяне в данном произведении, вследствие своего потребительского образа жизни, неизбежно утрачивают способность к социальному выживанию и в конечном счете сходят с исторической сцены, будучи вытесненными разночинцами-практиками. Таким образом, А.П. Чехов создает конфликт ценностей между традицией и современностью.

Используя метод сравнительного исследования для рассмотрения того, как разные писатели обращаются с одним и тем же символическим образом, можно обнаружить, что «чаепитие» здесь наделяется отрицательным значением «пассивного безделья», что резко контрастирует с «активным воодушевлением» у А.С. Пушкина. Один и тот же символический образ в разные эпохи и у разных писателей несет диаметрально противоположные ценностные суждения, что как раз иллюстрирует динамическую порождаемость культурного символического образа – его смыслообразующая функция всегда обусловлена конкретным историческим контекстом и идеологической позицией писателя. Данное горизонтальное сравнение показывает, что «символический образ чая» – это не застывший, неизменный знак, а носитель смысла, текучего вместе с творческим субъектом и духом времени; его интерпретация обладает исторической относительностью.

Построение сюжета: повествовательный ритм и контрастная подготовка. Роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» был создан в 1823–1831 гг. В этом произведении А.С. Пушкин использует «чаепитие» как составную часть развития сюжета в любовной истории. Простодушная деревенская девушка Татьяна, испытывая глубокую привязанность к приехавшему из столицы Онегину, смело пишет ему любовное письмо. Автор через описание душевного и радостного процесса чаепития передает сладостно-взволнованное ожидание Татьяны.

*Смеркалось; на столе, блистая,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая;
Под ним клубился легкий пар.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал,
И сливки мальчик подавал;
Татьяна пред окном стояла,
На стекла хладные дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестным пальчиком писала
На отуманенном стекле
Заветный вензель О да Е [Пушкин, 1946: 65].*

Это подготовленная автором предпосылка для усиления драматизма эпизода «признания» Татьяны. Впоследствии равнодушие и циничное отношение Онегина глубоко раскрывают сущность оторванного от жизни дворянского юноши, лишённого чувства общественной ответственности.

Символический образ «самовара» здесь не только создает атмосферу уютного домашнего тепла – его «блеск» и «шипение» образуют слуховое и зрительное ощущение тепла, – но и выполняет функцию регуляции повествовательного ритма. Психологическое время Татьяны в ожидании растягивается, а ряд деталей действий – «клубился легкий пар», «разливание чая» и «чай бежал» – как раз заполняет этот процесс ожидания, усиливая драматическое напряжение за счет удлинения времени ожидания. В этом и заключается темпоральная смыслообразующая функция «символического образа чая»: измерять внутреннюю тревогу и сладостное томление персонажа через протяженность повседневных действий.

Создание ситуации: уют и микроутопия. В русской литературе «символический образ чая» в широком смысле часто несет в себе значения «гостеприимства», «создания дружеской и теплой атмосферы». В 1830 г. А.С. Пушкин создал повесть «Станционный смотритель», основная идея которой заключается в критике жестокости сословной иерархии, раскрытии трагической судьбы «маленького человека» и пробуждении в народе стремления к равенству и справедливой жизни. А.С. Пушкин писал в повести: *Не успел я расплатиться со старым моим ящиком, как Дуня возвратилась с самоваром. Маленькая кокетка со второго взгляда заметила впечатление, произведенное ею на меня; она потупила большие голубые глаза; я стал с нею разговаривать, она отвечала мне безо всякой робости, как девушка, видевшая свет. Я предложил отцу ее стакан пуншу; Дуне подал я чашку чаю, и мы втроем начали беседовать, как будто век были знакомы* [Пушкин, 1946: 177].

Повествователь от первого лица «я» на собственном опыте становится свидетелем счастливой и гармоничной жизни станционного смотрителя и его дочери. Уже в начале повести сцена «чаепития» создает ситуацию «дружественности и близости», подчеркивая видимость «наполненной и радостной жизни» станционного смотрителя. Смотритель добросовестно исполняет свои служебные обязанности, в жизни ни с кем не конфликтует и, казалось бы, должен вести спокойную и счастливую жизнь. Однако по мере развития сюжета трагический финал, постигший смотрителя, ярко обнажает горькую участь «маленького человека» под гнетом сословной иерархии и глубоко отражает разрушительное воздействие структурной несправедливости общества на жизнь низших слоев населения.

Здесь сцена «чаепития» образует своего рода «микроутопию» – временную, идеализированную модель социальных отношений. Повествователь, станционный смотритель и Дуня сидят за чаем «как будто век были знакомы»; сословные различия временно снимаются за самоваром. Однако этот утопический символический образ вступает в резкую иронию с последующей трагедией, что демонстрирует контрастную функцию «символического образа чая» в построении сюжета: теплота первого как раз усиливает холод второго, делая социальную критику более пронизательной.

Углубление идеи: социальная критика, национальная идентичность и культурная память. В 1840 г. М.Ю. Лермонтов опубликовал роман «Герой нашего времени», в котором писал: *«Я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чая, ибо со мной был чугунный чайник – единственная отрада моя в путешествиях по Кавказу»* [Лермонтов, 1943: 7].

«Чайник» – это предмет домашнего обихода. В данном романе автор с помощью этого «символического образа чая» отражает одинокое положение русских военных на Кавказе и их отчужденность от национальных меньшинств, критикует антинародный характер официальной политики самодержавной России и раскрывает глубокие социальные причины, по которым лучшие представители русского дворянства превращались в «лишних людей», тем самым углубляя идею произведения.

М.Ю. Лермонтов помещает «чайник» – символ, по сути своей принадлежащий домашнему уюту, – в инокультурную среду (кавказская глушь и военный пост), превращая его в знак одиночества и отчуждения. Эта пространственная делокация наделяет «чайник» новой смыслообразующей функцией: он уже не соединяет людей, а, напротив, подчеркивает отчужденность героя от окружающей среды. С точки зрения семиотики, это типичный пример контекстуальной трансформации значения символического образа в пространственном повествовании путем смещения контекста, что демонстрирует гибкость смыслообразующей функции «символического образа чая».

А.П. Чехов в повести «Мужики», опубликованной в 1897 г., через «символический образ чая» раскрыл нищету и тяготы деревенской жизни в России. В тексте написано: *«По случаю гостей поставили самовар. От чая пахло рыбой, сахар был огрызанный и серый, по хлебу и посуде сновали тараканы; было противно пить, и разговор был противный – все о нужде да о болезнях»* [Чехов, 1944: 290]. В этой сцене «чаепитие» наделяется символическим значением: Этот низкосортный, отвратительный на вкус чай подавался только по случаю прихода гостей, да и то кое-как, что указывает на то, что «чаепитие» уже превратилось в «роскошный» и «редкостный» ритуал в

крестьянской жизни. Через использование «символического образа чая» А.П. Чехов не только наглядно демонстрирует материальную необеспеченность крестьян, но и глубже раскрывает истоки их духовного кризиса. Он превращает реальность нищеты в потрясающую литературную метафору, отражающую жизненные трудности низших слоев общества.

А.П. Чехов посредством детализации «питья некачественного чая» – чай с рыбным запахом, огрызанный серый сахар, ползающие тараканы – превращает абстрактную социальную критику в осязаемые материальные детали. С точки зрения реалистической поэтики использование такого «негативного символического образа» обладает более сильной критической функцией: он не создает уюта путем положительного изображения чая, а, напротив, демонстрирует его отчужденную форму (ритуал, который должен доставлять удовольствие, становится омерзительным), заставляя читателя непосредственно ощутить, как бедность лишает человека базового достоинства. «Символический образ чая» здесь становится средством социальной диагностики.

«Чаепитие» является одним из любимых занятий народа России и обладает ярко выраженными национальными особенностями. В XVII в. в России необходимость пить китайский чай привела к изобретению самовара. Русские любят заваривать чай в самоваре, отдавая предпочтение медным самоварам и нагреву на древесном угле. *«Как рассказывали некоторые старики, в прежние времена в России ни одна семья не могла обойтись без самовара; даже отправляясь в путешествие, брали самовар с собой»* [У Гохуа, 1998: 186].

Российский писатель В.Г. Распутин в повести «Прощание с Матёрой», опубликованной в 1976 г., через «самовар» как «символический образ чая» показывает его важное место в жизни российских людей. «Самовар» не только символизирует взаимную заботу, но и несет в себе культурную память. Поэтому его особенно ценят: при переезде его переносят руками, а не перевозят в повозке; перед выходом из дома не заворачивают, чтобы он «видел» направление переезда, предвещая удачу. Настасья, переезжая, неукоснительно соблюдала этот обычай.

– Самовар-то с собой берешь? – спросила Сима, показывая на вычищенный, празднично сияющий у порога самовар.

– А как? – закивала Настасья. – Не задавит. Я его Егору не дала везти, на руках понесу. А заворачивать из дому нельзя, в лодке заверну.

– Пошто нельзя? – О чем-то надо было говорить – говорили.

– Чтоб видел, куда ворочаться. Примета такая [Распутин, 1983: 301–302].

В повести «Прощание с Матёрой» старухи собираются вокруг самовара и изливают общую печаль: необходимость покинуть родную землю. Все с удовольствием пьют чай, и их чувства вместе с тем сливаются с напитком; чай благодаря этому обретает особый оттенок, – оттенок, который не способен понять одинокий городской житель.

Потом Дарья налила Симе и добавила себе – отдышавшись, приготовившись, утерев выступивший пот, пошли по новому кругу, закланялись, покряхтывая, дуя в блюдца, осторожно прихлебывая вытянутыми губами.

– Четвертый, однако, стакан, – прикинула Настасья.

– Пей, девка, покуль чай живой. Там самовар не поставишь. Будешь на своей городской фукалке в кастрюльке греть.

– Пошто в кастрюльке? Чайник налью.

– Без самовара все равно не чай. Только что не всухомятку. Никакого скусу. Водопой, да и только [Распутин, 1983: 266].

В.Г. Распутин наделяет «самовар» функцией носителя культурной памяти. В «Прощании с Матёрой» самовар – это не просто утварь, а одушевленное существо, «свидетельствующее» направление переезда: он должен «видеть», куда переезжают, потому что «примета такая». Такая персонификация превращает самовар в символ национальной идентичности. С точки зрения культурно-консервативного нарратива «самовар» и «настоящий чай» составляют оппозицию городскому образу жизни («в кастрюльке греть», «никакого скусу»); первые репрезентируют теплую память сообщества, вторые – холодную современность. «Образ чая» здесь выступает символическим оружием культурного сопротивления.

Таким образом, в данном произведении «символический образ чая» – такой, как «самовар», – несет в себе глубокие российские национальные чувства и традиционные культурные представления. Автор посредством использования «символического образа чая» не только разъясняет необходимость сохранения национальных культурных традиций, но и раскрывает их глубокое значение в современном обществе.

Характеристика персонажей: граница двойственности характера и очищение души. В 1866 г. вышел в свет социально-психологический роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Автор, обрисовывая характер главного героя Раскольникова, искусно использует

символическое значение «образа чая». В повествовании романа «чаепитие» рассматривается как одно из необходимых условий поддержания базовых жизненных потребностей, а то, что Раскольников из-за бедности не может часто пить чай, способствует тому, что в его затяжном меланхолическом настроении постепенно вызревает склонность к радикальным идеям. Его идейное противоречие – неспособность мириться с преступлением и одновременно жажда идти на риск ради справедливости – непосредственно приводит к двойственности его характера: подозрительность и твердость. А после того, как он выпивает чай, его мыслительное состояние становится более ясным, уверенность и мужество также возрастают. В романе говорится: *«Он решил отнести колечко; разыскав старуху, с первого же взгляда, еще ничего не зная о ней особенного, почувствовал к ней непреодолимое отвращение, взял у нее два «билетика» и по дороге зашел в один плохенький трактиришка. Он спросил чаю, сел и крепко задумался. Странная мысль наклеивалась в его голове, как из яйца цыпленок, и очень, очень занимала его ... Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу...»* [Достоевский, 1935: 103, 105].

С помощью «символического образа чая» Ф.М. Достоевский живо обрисовывает характер Раскольникова: «чаепитие» становится той гранью, на которой проявляется двойственность его характера. «Странная мысль» постепенно проясняется в его сознании и в конечном счете укрепляет его радикальный замысел «убить богатого, чтобы помочь бедным». Достоевский наделяет «чаепитие» символическим значением когнитивного поворотного пункта. С точки зрения нарративной психологии «заказать чашку чая и сидеть задумавшись» образует ритуализированное переходное пространство: теплота и успокаивающее действие чая переводят героя из состояния тревоги в состояние размышления, его мышление переходит от хаотического «постукивания» к отчетливости «лопнувшей яичной скорлупы». Это классический пример использования «символического образа чая» как средства экстернизации психологического состояния персонажа – «чай» здесь не причина и не следствие, а синхронный маркер психологического перелома.

В повести «В овраге», опубликованной А.П. Чеховым в 1900 г., через «символический образ чая» раскрываются качества персонажа. *«... И каждый день мыла полы или стирала, и ей казалось, что она на поденке. И теперь, вернувшись с богомолья, они пили чай в кухне с кухаркой, потом пошли в сарай и легли на полу между санями и стенкой»* [Чехов, 1917: 26]. В этом отрывке «чаепитие» обретает символическое звучание: через внутреннее очищение души Липа находит верные жизненные ориентиры, а «чаепитие» символизирует ту правильную идею, которая вдохновляет персонаж на активную жизнь. «Символический образ чая» здесь служит раскрытию характера героини: она трудолюбива, проста, проявляет непоколебимую веру в самообеспечение; умеет довольствоваться любыми условиями, ладит с простыми тружениками, обладает стойкой приспособляемостью перед лицом трудностей. Выйдя замуж в купеческую семью Цыбукиных, Липа не получила ни должного уважения, ни заботы, постоянно чувствуя себя чужой, словно наемная работница. Несмотря на то, что ее ребенка убили, а саму ее выгнали из дома, она по-прежнему вместе с «бабами и девками» радостно трудится, живет уверенной и довольной жизнью. В данном произведении Чехов посредством «символического образа чая» раскрывает характер персонажа, тем самым показывая: только тот, кто постиг истинный смысл жизни, способен прожить по-настоящему счастливую жизнь.

Здесь «символический образ чая» обладает значением очищения и возрождения. Примечательно, что действие «после возвращения из церкви» и последующее «чаепитие вместе с кухаркой» сопоставляют религиозный ритуал (богомолье) и повседневный ритуал (чаепитие), благодаря чему последний обретает функцию духовного утешения, сродни причастию. С точки зрения культурного архетипа это переключается с глубинной структурой русской православной культуры, где «совместная трапеза метафоризирует общность» – через совместное питье чая индивид вновь вливается в сообщество и обретает душевные силы для продолжения жизни.

Обозначение времени и места действия: временные маркеры, пространственная локализация и ироническая отсрочка. «Символический образ чая» в произведениях русской литературы может также использоваться для обозначения конкретного временного и пространственного фона действия, выполняя нарративную функцию пространственно-временной локализации. Повесть А.П. Чехова «Дуэль», опубликованная в 1891 г., начинается со следующей сцены: *«Было восемь часов утра – время, когда офицеры, чиновники и приезжие обыкновенно после жаркой, душной ночи купались в море и потом шли в павильон пить кофе или чай. Иван Андреевич Лаевский, молодой человек лет 28, худощавый блондин, в фуражке министерства финансов и в туфлях, придя купаться, застал на берегу много знакомых и между ними своего приятеля, военного доктора Самойленко»* [Чехов, 2007: 200]. В данном описании «чаепитие» обозначает не

только утреннее повседневное занятие персонажей, но и имплицитно указывает на время и место их встречи.

А.П. Чехов делает «чаепитие» обыденным и рутинизированным, превращая его в нарративный инструмент временной маркировки и пространственной локализации. Здесь «чаепитие» уже не несет глубокого эмоционального или символического значения, а служит средством закрепления временных координат (после восьми утра) и пространственных координат (павильон) через повторяющееся повседневное действие. Это «десимволизирующее» использование как раз и демонстрирует утилитарную функцию символического образа в обозначении времени и места – использование культурной рутины в качестве естественного измерителя повествования.

Поскольку сам процесс чаепития требует определенного времени, А.П. Чехов также успешно наделяет «символический образ чая» («чаепитие») временным значением «ожидания» и «затягивания времени». В рассказе «На гвозде», опубликованном в 1883 г., А.П. Чехов пишет: «*Часа полтора посидели в трактире, выпили для близиру по стакану чаю и опять пошли к Стручкову*» [Чехов, 1944: 27]. Мелкий чиновник Стручков пригласил своих сослуживцев, также мелких чиновников, к себе домой в свои именины. Однако, войдя в дом, они обнаружили на гвозде фуражку начальника Струčkова – начальник находится в неподобающих отношениях с женой Струčkова. Ради карьерного продвижения Стручков и его коллеги, смирившись с унижением, вышли из дома и, чтобы убить время, голодными пили чай в трактире; только дождавшись ухода начальника, они осмелились снова отправиться к Стручкову на застолье. «Чаепитие ради затягивания времени» раскрывает функцию «символического образа чая» как инструмента управления временем. В данном рассказе чаепитие служит уже не для утоления жажды или удовольствия, а исключительно для заполнения паузы ожидания – каждый выпивал «для близиру по стакану чаю», материальность чая опустошается, остается лишь временная оболочка. Это повторяющееся бессмысленное чаепитие создает абсурдность и усиливает иронический эффект. С точки зрения управления временем «чай» здесь выступает в роли «заполнителя времени», заставляя читателя ощутить вместе с персонажами тягостную долготу и скуку, а потому глубже сопереживать унижительному положению «маленького человека». Здесь временное значение «символического образа чая» исполнено иронии: оно высмеивает и властное засилье вышестоящего начальства, и раблепное стремление к карьерным благам нижестоящих чиновников. Посредством «чаепития ради затягивания времени» А.П. Чехов ироническим пером углубляет критику абсурдной сущности бюрократической системы в рассказе.

Сопоставляя диахронически «чаепитие» как пространственно-временной маркер в «Дуэли» и «чаепитие» как ироническую затяжку в рассказе «На гвозде», можно заметить, что использование одного и того же «символического образа чая» одним писателем на разных этапах творчества обнаруживает эволюцию от гротескно-абсурдистской стилистики к реалистической функции. Это позволяет проследить становление и изменение индивидуального стиля писателя.

Смыслообразующие функции «символического образа чая» в произведениях русской литературы многообразны и неисчислимы. У разных писателей, в силу различий их личной одаренности и творческих замыслов, эти функции становятся еще более изменчивыми, тонкими и глубоко индивидуальными. В данной работе были проанализированы лишь некоторые из них – на примере ряда классических авторов. Эти художественные сокровища все еще ждут дальнейшего изучения и открытия.

Заключение

По мере развития китайско-русской торговли чаем китайская чайная культура все глубже проникает в различные сферы российской общественной жизни, и «символический образ чая» постепенно становится важным «мотивом» в русском литературном творчестве. С точки зрения распространения культуры и литературной рецепции, для того чтобы инокультурный предмет превратился в устойчивый образ в инородной культуре, необходимо пройти три последовательные стадии: широкое восприятие на материальном уровне, повседневное освоение на поведенческом уровне и символизацию на психологическом уровне. Процесс распространения китайского чая в России как раз подтверждает эту закономерность: сначала чай входит на русский рынок как товар, затем впитывается в бытовые обычаи населения и, наконец, возвышается до литературного символического образа, несущего в себе определенные чувства и ценностные суждения.

С точки зрения рецептивной эстетики история эволюции «символического образа чая» в русской литературе – это, по сути, история восприятия, трансформации и переосмысления китайского чайного культурного знака в инородном контексте. Согласно теории неопределенности (Leerstellen) Изера, символические образы в литературных произведениях часто содержат лакуны (неопределенные места), которые читатель заполняет собственным культурным опытом. Тот факт, что «символический образ чая» в русской литературе смог обрести столь богатые

смыслообразующие функции, объясняется тем, что писатели разных эпох постоянно помещали его в новые нарративные контексты, активируя тем самым его различные смысловые измерения. Богатство его смыслообразующих функций как раз и подтверждает динамический характер порождения литературного символического образа – каждое новое использование отнюдь не является простым повторением, а представляет собой очередное переоткрытие потенциала символического образа.

В данной статье достаточно системно раскрываются траектория генезиса и смыслообразующие механизмы «символического образа чая» в русской литературе. Исследование показывает, что «символический образ чая» постепенно эволюционирует от практического знака, обладающего материальными свойствами, к эстетическому знаку, несущему в себе чувства, ценности и национальную идентичность. Проведенный анализ выявляет процесс локализованной реконструкции «символического образа чая» в контексте русской литературы. Данный процесс, с одной стороны, отражает глубокое влияние китайской чайной культуры за рубежом, а с другой – демонстрирует способность российской культуры к локализации и творческой трансформации инокультурных элементов.

По мере развития общества содержание «символического образа чая» в произведениях русской литературы становится все богаче, а художественный эффект – все более уникальным. Углубление соответствующих исследований имеет важную академическую ценность.

Территории, охватываемые историческим «Чайным путем», в значительной степени совпадают с регионами, участвующими в строительстве китайско-российско-монгольского «экономического коридора» в рамках инициативы «Один пояс, один путь», а также в сотрудничестве в рамках китайско-российского проекта «Янцзы–Волга». 23 марта 2013 г. в своей речи в Московском государственном институте международных отношений председатель Си Цзиньпин назвал «Великий чайный путь» «артерией века». Известный исследователь китайско-российского «Чайного пути», член-корреспондент Российской академии естественных наук И.А. Захаренко отметил: «*Путем изучения истории, культуры и национальных особенностей Китая и России можно выявить внутренние закономерности культурного обмена и взаимодополнения двух стран*» [Захаренко, 2018: 21]. На основе исторического измерения «Чайного пути» изучение процесса генезиса и художественных функций «символического образа чая» в русской литературе помогает раскрыть внутренние закономерности межкультурного распространения китайской традиционной культуры и обладает существенной практической значимостью для усиления национальной культурной идентичности и оптимизации стратегий распространения культуры за рубежом в современных условиях.

Источники и материалы

Бантыш-Каменский, Н.Н., 1882. *Дипломатическое собрание дел междуросийским и китайским государствами с 1619 по 1792-й год*. Казань: Тип. Императорского Университета, 565 с.

Бецкой, И.И., 1766. *Устав Императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса, учрежденного в Санкт-Петербурге для воспитания и обучения благородного российского юношества*. СПб.: при Шляхетном сухопутном кадетском корпусе, 246 с.

Достоевский, Ф.М., 1935. *Преступление и наказание*. М.: Гослитиздат, 483 с.

Лермонтов, М.Ю., 1943. *Герой нашего времени*. М., Ленинград: Детгиз, 120 с.

Новиков, Н.И., 1769. Для г. Спорщика рецепт, *Трутень: еженедельное издание*, май, № 31, СПб.: Тип. Акад. наук, с. 241–243.

Пушкин, А.С., 1946. *Избранные сочинения*. М., Ленинград: Гослитиздат, 250, [4] с.

Ржанов, Н., 1856. *Китайский чай. Подробное описание*. М.: Типография В. Готье, 59 с.

Распутин, В.Г., 1983. *Прощание с Матёрой: Повести и рассказы*. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 480 с.

Силин, Е.П., 1947. *Кяхта в XVIII веке*. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 204 с.

Тариф о сборе пошлин в портовых и пограничных таможах, с привозных и отвозных товаров, 1766. М.: Сенат. тип., 112 с.

Тариф Санкт-Петербургского, Выборгского, Нарвского, Архангелогородского, Кольского, портов, 1724. Печатано в СПб.: При Сенате, 26 марта, 51 с.

Чехов, А.П., 1917. *В овраге*. М.: Родная речь, 45 с.

Чехов, А.П., 1944. *Избранное: рассказы, повести, драмы*. Ленинград: Гос. изд-во худ. лит-ры, 445 с.

Чехов, А.П., 2007. *Рассказы. Повести. Пьесы*. М.: Эксмо, 828 с.

Чечулин, Н.Д., 1906. *Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II*. СПб.: Сенат. тип., 380 с.

Список литературы

- Бурдин, И.В., 2023. *Концепт «чай» в русской литературе XIX века*. Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 194 с.
- Комлова, А.А., Петрова, А.О., 2025. Отражение чайных традиций в русской литературе, *Чай в историческом, культурном и медицинском аспектах. Материалы IV науч.-теоретич. конф. с междунар. участием*, отв. ред. А.В. Данилова. Курск: КГМУ, с. 29–33.
- Кулабухова, Т.К., Осиневи́ч, С.Е., Климова, Л. Г., 2021. Традиции русского чаепития в искусстве, *Чай в историческом, культурном и медицинском аспектах. Материалы II науч.-теоретич. онлайн-конф. с междунар. участием*, отв. ред. А.В. Данилова. Курск: КГМУ, с. 160–167.
- Лю Гохуа, 2012. Этимология слова «чай/ча» в русском и китайском языках, *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, № 1, с. 55–57.
- Маджаева, С.И., Рудакова, П.В., 2021. Особенности чайного дискурса, *Чай в историческом, культурном и медицинском аспектах. Материалы II науч.-теоретич. онлайн-конф. с междунар. участием*, отв. ред. А.В. Данилова. Курск: КГМУ, с. 10–15.
- Маломанова, Е.В., Алексеенко, В.Н., 2025. Репрезентация концепта «чай» в художественной литературе (на материале русского, английского и китайского языков), *Инициативы молодых – науке и производству. Материалы IX Всеросс. науч.-практич. конф. молодых ученых и студентов*, отв. ред. О.Н. Кухарева, А.В. Носова, А.А. Галиуллина. Пенза: ПГАУ, с. 508–512.
- Мехтиев, В.Г., 2025. Семиотика чая в русской литературе. Пушкин и другие, *Вопросы литературы*, № 2, с. 129–154. <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2025-2-129-154>
- Самофатова, А.А., 2021. Традиции чаепития в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, *Чай в историческом, культурном и медицинском аспектах. Материалы II науч.-теоретич. онлайн-конф. с междунар. участием*, отв. ред. А.В. Данилова. Курск: КГМУ, с. 137–143.
- Семенов, В.М., 2006. *Все о чае и чаепитии. Новейшая чайная энциклопедия* (2-е изд.). М.: Флинта: Наука, 336 с.
- Симакова, М.С., 2006. *Традиционная поэтическая образность (чай, сласти) в любовных частушках*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 24 с.
- Соколов, И.А., 2009. Чай и чайная торговля в России в XIX – начале XX веков, *Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки*, № 2 (4), с. 28–38.
- Фадеева, В.И., 2025. Образ чая в русской литературе XIX века на примере творчества Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и Н.В. Гоголя, *Чай в историческом, культурном и медицинском аспектах. Материалы IV науч.-теоретич. конф. с междунар. участием*, отв. ред. А.В. Данилова. Курск: КГМУ, с. 80–83.
- Фасмер, М., 1987. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 4 (Т–яшур), пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 864 с.
- Цзоу Сюэцян, 2010. *Лингвокультурная специфика концепта «чай» и ее учет в обучении русскому языку китайских студентов*. Чэнду: Изд-во Сычуаньского университета, 242 с.
- 邓九刚, 2000. *茶叶之路: 欧亚商道兴衰三百年*.呼和浩特: 内蒙古人民出版社, 334页.[Дэн Цзюган, 2000. *Чайный путь: три века расцвета и упадка евроазиатского торгового пути*. Хух-Хото: Внутреннемонгольское народное изд-во, 334 с.] (на кит. яз.)
- 扎哈连科, И.А., 2018. *万里茶道软实力: 中俄交流互鉴的文明之路*, 田园译, 文化软实力研究, 第5期, 12–21页.[Захаренко, И.А., 2018. *Мягкая сила Великого чайного пути: путь цивилизационного взаимодействия и взаимного обогащения Китая и России, Исследования мягкой силы культуры*, № 5, пер. Тянь Юань, с. 12–21.] (на кит. яз.) <https://doi.org/10.19468/j.cnki.2096-1987.2018.05.002>
- 吴国华, 1998. *俄语与俄罗斯文化*.北京: 军事谊文出版社, 290页.[У Гохуа, 1998. *Русский язык и русская культура*. Пекин: Военное изд-во «Ивэнь», 290 с.] (на кит. яз.)
- 谢天振, 1999. *译介学*.上海: 上海外语教育出版社, 336页. [Се Тяньжэнь, 1999. *Транслятология*. Шанхай: Шанхайское изд-во по обучению иностранным языкам, 336 с.] (на кит. яз.)

References

- Burdin, I.V., 2023, *The concept of “tea” in 19th century Russian literature*. Dissertation ... Candidate of Philological Sciences. Perm, 194 p. (In Russ.)
- Komlova, A.A., Petrova, A.O., 2025, Reflection of tea traditions in Russian literature, *Tea in historical, cultural and medical aspects. Materials of the 4th International Research-Theoretical Conference*, ed. A.V. Danilova, Kursk State Medical University, Kursk, pp. 29–33. (In Russ.)
- Kulabukhova, T.K., Osinevich, S.E., Klimova, L.G., 2021, Traditions of Russian tea drinking in art, *Tea in historical, cultural and medical aspects. Materials of the 2nd International Research-Theoretical Online Conference*, ed. A.V. Danilova, Kursk State Medical University, Kursk, pp. 160–167. (In Russ.)

Lu Gohua, 2012. The etymology of the words «茶» and «чай» in Chinese and Russian. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, no. 1, pp. 55–57. (In Russ.)

Madzhaeva, S.I., Rudakova, P.V., 2021, Features of tea discourse, *Tea in historical, cultural and medical aspects. Materials of the 2nd International Research-Theoretical Online Conference*, ed. A.V. Danilova, Kursk State Medical University, Kursk, pp. 10–15. (In Russ.)

Malomanova, E.V., Alekseenko, V.N., 2025, Representation of the concept “tea” in fiction (based on Russian, English and Chinese), *Youth initiatives – to science and industry. Materials of the 9th All-Russian Research-Practical Conference of Young Scientists and Students*, eds. O.N. Kukhareva, A.V. Nosova, A.A. Galiullina, Penza State Agrarian University, Penza, pp. 508–512. (In Russ.)

Mekhtiev, V.G., 2025, Tea semiotics in Russian literature. Pushkin and others. *Voprosy Literatury*, no. 2, pp. 129–154. (In Russ.) <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2025-2-129-154>

Samofatova, A.A., 2021, Traditions of tea drinking in the life and work of F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy, *Tea in historical, cultural and medical aspects. Materials of the 2nd International Research-Theoretical Online Conference*, ed. A.V. Danilova, Kursk State Medical University, Kursk, pp. 137–143. (In Russ.)

Semyonov, V.M., 2006, *All about tea and tea drinking. The newest tea encyclopedia*. Flinta: Nauka, Moscow, 336 p. (In Russ.)

Simakova, M.S., 2006, *Traditional poetic imagery (tea, sweets) in love ditty songs*. Dissertation abstract ... Candidate of Philological Sciences. Moscow, 24 p. (In Russ.)

Sokolov, I.A., 2009, Tea and tea trade in Russia in the 19th – early 20th centuries, *MCU Journal of Historical Studies*, no. 2 (4), pp. 28–38. (In Russ.)

Fadeeva, V.I., 2025, The image of tea in 19th-century Russian literature as exemplified by the works of L.N. Tolstoy, A.P. Chekhov and N.V. Gogol, *Tea in historical, cultural and medical aspects. Materials of the 4th International Research-Theoretical Conference*, ed. A.V. Danilova, Kursk State Medical University, Kursk, pp. 80–83. (In Russ.)

Fasmer, M., 1987, *Etymological dictionary of the Russian language*, vol. 4 (Т-яшчур), trans. from German. and an addendum O.N. Trubacheva, Progress, Moscow 864 p. (In Russ.)

Zou Xueqiang, 2010, *Linguocultural specificity of the concept “tea” and its application in teaching Russian to Chinese students*. Sichuan University Press, Chengdu, 242 p. (In Russ.)

Deng Jiugang, 2000, *The Tea Road: Three centuries of rise and decline of the Eurasian trade route*, Inner Mongolian People’s Publishing House, Hohhot, 334 p. (In Chinese)

Zakharenko, I.A., 2018, The soft power of the Great Tea Road: A Path of civilizational interaction and mutual enrichment between China and Russia, *Cultural Soft Power Research*, no. 5, trans. Tian Yuan, pp. 12–21. (In Chinese) <https://doi.org/10.19468/j.cnki.2096-1987.2018.05.002>

Wu Guohua, 1998, *The Russian language and Russian culture*, Yiwen military publ., Beijing, 290 p. (In Chinese)

Xie Tianzhen, 1999, *Translatology*. Shanghai Foreign Language Education Press, Shanghai, 336 p. (In Chinese)

Заявление о раскрытии информации

Для создания данной рукописи не использовались инструменты искусственного интеллекта.

Disclosure statement

No AI tool was used to generate the content of this manuscript.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Заявление о финансировании

При финансовой поддержке Министерства образования КНР в рамках проекта планового фонда исследований гуманитарных и общественных наук (общий проект) «Исследование влияния «Чайного пути» на национальную культуру России» (номер проекта: 20YJAZH089).

Funding statement

With financial support from the Ministry of Education of the People's Republic of China within the framework of the Planned Fund Project for Humanities and Social Sciences Research (General Project) "Study of the Influence of the 'Tea Road' on the National Culture of Russia" (Project No. 20YJAZH089).

Информация об авторе

Хуншэн Ши, кандидат филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Аньхойского университета, г. Хэфэй, Китайская Народная Республика; <https://orcid.org/0009-0005-8054-6664>; e-mail: 1766285604@qq.com

Information about the author

Hongsheng Shi, Cand. Sc. (Philology), professor, Institute of Foreign Languages of Anhui University, Hefei, the People's Republic of China; <https://orcid.org/0009-0005-8054-6664>; e-mail: 1766285604@qq.com

Рукопись поступила в редакцию / Received 25.05.2026

Одобрена после рецензирования / Approved 10.06.2026

Принята к публикации / Accepted 16.06.2026